



УДК 94(470)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731
EDN TMBDEU
Оригинальное исследование

Когнитивно-ментальная война и русский культурный код

Матвеева А.М. 

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет,
Россия, 125319, г. Москва, Ленинградский пр., 64
E-mail: alexmatveeva828@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из дискуссионных тем в современной военно-исторической науке и теоретической геополитике – когнитивно-ментальной войне как направлению гибридной войны против России. Рассматривается генезис как данного явления, так и самого понятия с целью раскрытия его содержания в конкретно-историческом ключе. В статье приводится обоснование целесообразности объединения понятий «когнитивная война» и «ментальная война». Раскрывается суть понятия «культурный код». Выявляется место и значение русофобии в когнитивно-ментальной войне. Выделяются основополагающие принципы воздействия по перепрограммированию культурного кода народа. Делается вывод о нацеленности когнитивно-ментального воздействия именно на русский культурный код многонациональной России, где слабым звеном выступает часть оторванной от народа элиты. В то же время народ нашей страны в условиях начавшейся спецоперации на Украине оказывает активное сопротивление стремлению его переформатировать, активизировав такую важную часть культурного кода, как коллективно-историческая память.

Ключевые слова: когнитивно-ментальная война, русский культурный код, русофобия, гибридное воздействие, психоистория

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Матвеева А.М. 2025. Когнитивно-ментальная война и русский культурный код. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 722–731. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731. EDN: TMBDEU

Cognitive-Mental Warfare and the Russian Cultural Code

Alexandra M. Matveeva 

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University,
64 Leningradsky Ave., Moscow 125319, Russia
E-mail: alexmatveeva828@mail.ru

Abstract. The article is devoted to one of the controversial topics in modern military historical science and theoretical geopolitics – cognitive-mental warfare as a direction of hybrid warfare against Russia. The author explores the genesis of both this phenomenon and the concept itself in order to reveal its content in terms of a specific period in history. The paper provides a justification for the expediency of combining the concepts of "cognitive warfare" and "mental warfare". The essence of the "cultural code" concept and the place and significance of Russophobia in the cognitive-mental war is revealed. The fundamental principles of reprogramming the cultural code of a nation are highlighted. The author concludes that the cognitive-mental impact is aimed specifically at the Russian cultural code of multinational Russia, where the weak link is a part of the elite isolated from the people. At the same time, the people of our country, in the context of the Special Operation that has begun in Ukraine, are actively resisting the desire to reformat it, activating such an important part of the cultural code as collective historical memory.

Keywords: cognitive-mental warfare, Russian cultural code, Russophobia (anti-Russian sentiment), hybrid impact, psychohistory

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Matveeva A.M. 2025. Cognitive-Mental Warfare and the Russian Cultural Code. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 722–731 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731. EDN: TMBDEU

Введение

Пролиферация¹⁷⁹ гибридной войны приводит к появлению ее новых форм и видов. Так сформировалось целое направление – война против культурного кода народов, и она занимает центральное место в арсенале гибридного воздействия. Эта позиция разделяется многими авторитетными геополитиками. Конфликтолог С. Хантингтон в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» 1996 г. отмечал, что в постбиполярном мире линии будущих фронтов будут прочерчены по линиям цивилизационного разлома (это религиозные, этнические, лингвистические и прочие историко-культурные факторы), и целью войн нового типа будет установление контроля над народом, населяющим территорию интересующего государства [Хантингтон, 2003, с. 407–409]. Крупнейший исследователь проблем современной геополитики А.А. Бартош конкретизирует тезис С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, говоря о том, что главная угроза стабильности миропорядка гораздо глубже – в попытке англосаксонского мира заменить культурный, исторический код народов на «сомнительные, во многом неприемлемые ценности» [Бартош, 2020]. Военный историк Д. Тренин также подчеркивает, что сегодня международной безопасности угрожают прежде всего конфликты на этнической и религиозной почве [Тренин, 1999, с. 17]. Философ и геополитик А.Г. Дугин указывает, что в современной гибридной войне, которую ведет против мира англосаксонское «масонство XXI века», основной мишенью являются традиционные культурные смыслы цивилизаций [Дугин, 2012].

Таким образом, современная отечественная геополитическая мысль констатирует, что гибридная война прежде всего направлена на слом культурного кода цивилизаций и создавших их народов.

Объекты и методы исследования

Объектами данного исследования выступают русский культурный код в условиях ведущейся против него когнитивно-ментальной войны и собственно сама когнитивно-ментальная война как феномен гибридных войн XXI в. Поскольку исследование произведено на стыке наук – истории, военной науки и политологии, то в его основе использовались исторические методы: метод актуализации, историко-генетический и системный подходы; методы военной науки – оценка ситуации с позиции противника, анализ сценариев развития ситуации; политологии – психологический и сравнительный. Кроме того, были использованы и общенаучные методы: анализ, систематизация, обобщение материала.

Результаты исследования и их обсуждение

В определении культурного кода существует множество формулировок. Психоаналитик К. Рапай исходит из того, что это некое культурное бессознательное – то, что предопределяет народную психологию, а значит, и поведенческие механизмы [Рапай, 2015]. М. Фуко ввел термин во многом синонимичный культурному коду – эпистема, понимая под ним

¹⁷⁹ Пролиферация – термин взят из биологии и обозначает процесс размножения клетки делением. В гуманитарных науках этим термином обозначают разрастание и усложнение социально-исторического процесса, явления, объекта.



совокупность убеждений, ценностей, норм – всего, что формирует мировоззренческую картину и его репрезентацию народа [Фуко, 2004, с. 350–351].

Культурный код народа – это условие существования самого народа, поскольку он и есть основа его самоидентификации. В то же время это важнейшая духовная, ментальная скрепа народа с его Родиной, которая предопределяет жизнь цивилизации как «культурно-исторического типа». Аннигиляция культурно-исторического бытия народа превращает его в собрание индивидов с общим самоназванием (которое для части этого народа становится чуждым или «постыдным»), поскольку единство исторического пути и культурные ценности вырываются из коллективной памяти – она фактически стирается, а коллективное сознание становится переформатированным под нужный образец. Так, во время бомбардировок Сербии в 1999 г. Госдеп США озвучил в сущности доктрину гибридной войны по переформатированию народа: «НАТО оставит сербов в покое только тогда, когда те перестанут быть сербами. Сербы должны забыть свою историю и религию и сосредоточиться на зарабатывании денег и получении указаний от Мирового банка и таких людей, как Джордж Сорос» [Гуськова, 2013, с. 142].

В результате слома культурного кода обеспечивается подрыв воли народа к сопротивлению и установление тотального геополитического контроля над территорией страны-объекта гибридного воздействия с ее ресурсами, включая и людей как особый вид ресурсов.

С 1990-х гг., с момента популяризации термина «россияне», в отечественной историографии все чаще можно встретить «российский культурный код» в том же ряду, что «российская цивилизация», «российский менталитет», встречается даже «руско-российская» интеллигенция, идея и т. д. [Фарах, 2022]. Подобное стремление отразить многонациональность нашей страны, вероятно, уместно в политическом контексте, но не в конкретно-историческом, ведь, например, русского языка не существует, а есть русский. И именно русский народ создал государство и цивилизацию, благодаря которой Россия и стала многонациональной державой, основанной не на во многом фальшивой толерантности, а на настоящем братстве народов. Выше обозначенный подход напоминает нигилистические настроения столетней давности, когда отрицалось наличие русской культуры. Когда русскую цивилизацию стесняются называть «русской» – что это, как не русофобия. В этой связи уместно привести слова А.И. Фурсова о том, что русофобия как стратегия нацелена на «уничтожение, стирание из истории, растворение в других народах» русских «как особой этноисторической, державообразующей целостности» [Фурсов, 2015].

Наднациональное мышление русского народа, выросшее на базе славянской территориальной общины, позволило ему, иногда жертвуя своими интересами, сплотить в рамках единого государства этнически и конфессионально различные народы. Некоторые адепты классической геополитики, полагающие, что в деле стратегической безопасности государства важно только удержать периметр и не принципиально, какой народ его будет изнутри удерживать, в корне ошибаются. Многонациональная Россия без русского народа превратится в очаг сплошных кровавых конфликтов на национальной и религиозной почве. Это сделает ее легкой добычей для соседей. Но и Желтороссия, например, с массовым приходом сюда китайцев, не получится. Кровнородственные начала, существующие в их культурном коде, не предусматривают сожительство с другими народами, русскими и нерусскими, на их территории. Поэтому среди всех многочисленных народов России прежде всего русский культурный код под прицелом гибридной войны.

Говоря о гибридном воздействии, важно отграничить научное изучение культурного кода с целью его взлома с последующей аннигиляцией и идеологическое направление, которое нацелено на создание русофобских теорий¹⁸⁰. Для последнего объективная информация и

¹⁸⁰ При этом сами русофобские теории являются средством воздействия на культурный код, когда проникают внутрь коллективного сознания и усваиваются частью общества, потенциальными «смердяковыми».

научные знания не столь важны, это область создания стереотипов и образов для формирования нужного восприятия и отношения. Здесь уместно наблюдение профессора Н. Таньшиной о том, что американцы с началом холодной войны изучали русский/советский менталитет по произведениям Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, что дало возможность создать еще один русофобский стереотип – о «маниакально-депрессивном психозе» русского народа как части его коллективного психического уклада [Таньшина, 2024, с. 42]. Для ученых-разработчиков программ по взлому русского культурного кода важна не сама русофобия, которая является одним из следствий и их работы, а русофобология – научное направление, возникшее на Западе, изучающее русофобию как идеологию для анализа воздействия тех или иных антирусских мифов и стереотипов на российское общество, конкретно на общественное сознание и на часть элиты, которая эту идеологию разделяет и распространяет. Однако в практическом отношении русофобия может использовать результаты научного изучения русского кода с целью «подавления русскости как психоисторического комплекса» [Фурсов, 2015].

Первые попытки исследования русского культурного кода были предприняты на Западе во второй половине XIX в. Тогда в академических и военно-аналитических центрах Западной Европы начались системные исследования русского народа, которые были выделены в «остфоршунг» – дословно в переводе с немецкого: «исследование Востока», «востоковедение». Однако предмет данного направления был связан прежде всего с Россией.

В начале 1920-х гг. авангардом «остфоршунга» был Русский научный институт при Министерстве иностранных дел Германии, расположенный в Берлине. В этом «мозговом центре» по изучению России и русских как государствообразующего народа с целью выявления их зон уязвимости работали в основном пассажиры так называемого «философского парохода». В 1933 г. институт перешел в ведение геббельсовского Министерства просвещения и пропаганды. После Великой Отечественной войны на базе Русского института появился Институт по изучению истории и культуры СССР под кураторством ЦРУ, БНД и Гарвардского университета. Разработки института влились в американскую советологию.

В этой связи показательны работы бывшего белогвардейского офицера, перешедшего в годы Второй мировой на службу в Вермахт, Е.Э. Месснера. Как и большинство нацистских преступников, сумевших избежать трибунала, Месснер бежал в Аргентину, где в 1960 г., развивая свою концепцию динамики войны, пришел к следующему выводу: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве» [Месснер, 1960, с. 43]. Он подчеркивал, что именно «психика народов» будет еще одним полем войны, т. е. речь шла о структурах культурного кода. Впоследствии разработки Месснера были взяты на вооружение стратегами НАТО.

Однако долгое время воздействие на культурный код в военных целях не имело названия и предметного определения. Оно рассматривалось как часть информационного или информационно-психологического аспекта холодной войны или позже – гибридной войны.

В 2020 г. в публичном дискурсе появился термин «когнитивная война», прозвучав в докладах военных аналитиков НАТО. Под когнитивной войной западные исследователи понимали войну в области сознания противника, нацеленную на его перепрограммирование, на «взлом разума», приводящую к слому его воли и превращению в легкий объект для манипуляции [Медушевский, 2023, с. 87]. По мнению А. Медушевского, кардинальное отличие когнитивной войны от информационной, психологической войны – «в объекте воздействия – это война не с тем, что мы думаем (как в информационной войне и пропаганде), но с тем, как мы думаем, т. е. изменение самого способа конструирования картины реальности» [Медушевский, 2023, с. 89]. Поскольку в ходе когнитивной войны должно быть переформатировано прежде всего мировосприятие противника, в том числе осознание своих



потребностей и целей, то она имеет объектом своего воздействия целые народы, цивилизации. Искажение восприятия реальности приводит к трансформации принятых решений, т. е. к запрограммированному субъектом когнитивной войны – действию объекта.

В российской науке когнитивная война трактуется более узко, либо как разновидность информационной войны [Алексеев, Алексеева, 2021], либо как форма гибридной войны, «которая использует кибернетические инструменты для изменения познавательных процессов противника» [Макаров, 2023].

Ответом отечественной военно-научной мысли на натовскую концепцию «когнитивной войны» было введение в 2021 в научный оборот теории «ментальной войны» А.М. Ильницким. Под ментальной войной он понимает войну, нацеленную на трансформацию мировоззрения и разрушение цивилизационных основ противника, через блокирование в сознании людей критического мышления, стремления к истине и погружение общественного сознания в создаваемый информационными технологиями противника «мир постправды», наполненный определенным контентом [Ильницкий, 2021, с. 25]. Это война, нацеленная на слом исторического самосознания, базовых смыслов цивилизации, мировоззрения народа [Ильницкий, 2021, с. 26–27]. Все это – часть русского культурного кода.

В историографии, как правило, ментальная и когнитивная войны разводятся. Когнитивная война рассматривается как форма информационно-психологической войны в области сознания с подключением новых технических средств (нейронного оружия, искусственного интеллекта) и наук (нанотехнологий, биотехнологий, когнитивных наук). По сути, это новый инструментарий, материально-информационно-техническая база и условие для проведения эффективной ментальной войны. Наиболее точно суть расхождения этих близких понятий выразил Е. Макаров: «МВ (ментальная война – А.М.) – это борьба за то, о чем думать, а КВ (когнитивная – А.М.) – как думать и, соответственно, как действовать» [Макаров, 2023].

Однако в ходе реализации гибридного воздействия на культурный код видно, что когнитивная и ментальная войны теснейшим образом взаимосвязаны и, как правило, выступают в связке. Исходя из вышесказанного, применительно к истории XXI века уместно говорить о когнитивно-ментальной войне. Её механизм создавался еще в годы холодной войны. Именно его воздействие привело к уничтожению советской цивилизации. Но тогда это была стадия обкатки новой технологии войны. На современном этапе когнитивно-ментальная война является ключевой в арсенале гибридного противодействия. Когнитивно-ментальная война – это война в области культурного кода, с экзистенциальными, глубинными целями – не трансформировать, а стереть или «обнулить» историческую память; вызвать не просто изменение отношения, а тотальное отрицание, неприятие через «культуру отмены» культурно-исторических и цивилизационных основ собственного народа. Это область ментального противоборства, но для реализации этих целей служат новые методы когнитивной войны с ее технологиями в свете современных данных наук о мозге, с использованием киберпространства, данных нейронаук.

Близкое по содержанию понятие предлагает историк Андрей Фурсов, когда говорит о психоисторической войне¹⁸¹. Объектом данной войны, по Фурсову, выступает «психосфера общества-мишени», прежде всего политической элиты, с целью перепрограммирования ее под нужный формат. Он выделяет несколько ее уровней, определяя в качестве высшей цели этой войны – «лишить "мишень" ее метафизики и воли к сопротивлению» через внедрение в сознание «мишени» установки на саморазрушение через самонеприятие – «ненависти к своему, к самим себе – приязнь к чужому» [Фурсов, 2015].

¹⁸¹ Термин «психоистория» взят из цикла романов писателя-фантаста А. Азимова «Основание» (в другом переводе «Академия»). Психоистория в этих произведениях рассматривается как наука, изучающая цивилизации на основе комплексного подхода, рассматривающего историю человеческих обществ во взаимосвязи со сферой психоментального сознания и среды. Эта вымышленная наука должна была прогнозировать направления развития цивилизаций и воздействия на этот процесс для корректировки его в правильном направлении.

Термин «психоисторическая война» не совсем корректен ввиду дублирования его в другом значении, в рамках существования направления в психоанализе – психоистории, основоположником которого является американский психолог и историк Ллойд де Моз. В его подходе фрейдистский психоанализ переносится на трактовку исторических событий, когда «групповые фантазии», «коллективные травмы прожитого опыта», «прохождение через родовые каналы» и так далее определяют исторические события [Де Моз, 2000, с. 123–130].

Однако в рамках данного направления есть важный аспект – работа со сферой подсознания. Если отойти от примитивно-биологической трактовки Фрейда, то область подсознания человека хранит в себе информацию о выработанных в ходе коллективно-исторического опыта культурно-социальных инстинктах, которые и отличают человека от животного. Они могут не осознаваться, но «включаются» при погружении человека в соответствующие условия – то есть срабатывает культурный код. Так, в ходе специальной военной операции у наших солдат и офицеров активизировалась память о Великой Отечественной войне: «Деды победили, и мы победим». В ходе спецрепортажей с линии фронта видно, что молодые бойцы украшают свои временные обители красными флагами, портретами Сталина, Жукова, героев Великой Отечественной войны [В Госдуме показали..., 2024]. И дело здесь не только в исторических аналогиях. Образ русского воина, защитника-богатыря – часть русского культурного кода. Расположенная между зачастую недружественными Европой и Азией, без каких-либо естественных защитных рубежей, Россия развивалась в оборонительной геостратегической парадигме. Оборона государства, как в свое время отметил Д.И. Менделеев, подразумевала «защиту самостоятельности и возможность развивать народные исторические особенности» [Менделеев, 2008, с. 180].

Русская военная культура – особая. Русская/советская/российская армия – это совесть, это защита мирных граждан, это помощь ближнему, гуманизм к пленным и высокая дисциплина. И Крымская весна, и спецоперация на Украине наглядно высветили ее цивилизационный код, который наша армия не утратила.

Говоря о психоистории, также надо отметить, что сегодня существуют и последователи-адепты психоистории в том значении, в котором ее рассматривал автор данного термина А. Азимов. Они пытаются перенести эту вымышленную науку из сферы научной фантастики в область современной гносеологии¹⁸².

«Психосфера общества-мишени», о чем говорит Фурсов, – понятие предметно размытое, лишенное конкретно-исторического наполнения. Исходя из целей гибридной войны, ведущейся против нашей страны, объектом когнитивно-ментальной войны выступает именно русский культурный код. Об этом возвестил сам «глобальный Рейх» с началом спецоперации на Украине устами последователей доктора Геббельса вроде премьер-министра Польши М. Моравецкого. В мае 2022 г. этот деятель в лучших традициях пропаганды Третьего рейха высказался о том, что «русский мир – это раковая опухоль, которая представляет смертельную угрозу для всей Европы. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию» [Премьер Польши пожелал..., 2022].

На Западе под запрет попало все, что относится к Золотому фонду русской культуры: Пушкин (даже ему на Украине снесли памятник в апреле 2022 г.), Достоевский, Чайковский, Шостакович и т. д. Популярный в Европе русский мультфильм «Маша и Медведь» был раскритикован и запрещен в ряде стран, в том числе и на Украине, потому что Медведь – это символ России. Якобы через положительного персонажа Мишу Россия пыталась детям привить позитивное восприятие себя [Почепцов, 2019, с. 99].

¹⁸² Например, С. Переслегин, который ведет целый курс «психоистории» в ключе альтернативной истории.

Заключение

Когнитивно-ментальная война – самая эффективная в арсенале гибридного воздействия на противника, поскольку демонтаж культурного кода – это контрольный удар, после которого невозможно оправиться. Война в области экономики, дипломатии, информации, классическая война на поле боя не могут уничтожить народ полностью, который может возродить государство. Проигрыш в войне по аннигиляции культурного кода не дает никаких шансов спасти хоть что-то утраченное. Сегодня на тех же, что и против советского народа, фронтах ведется когнитивно-ментальная война против скрепляющего в братском единстве российский многонациональный народ русского народа. Это разрушение самоидентификации народа и уничтожение формирующих его основ – исторической памяти. Перефразируя выше приведенные слова: «Русские должны перестать быть русскими»

В августе 2020 г. ВЦИОМ провел опрос, отразивший важные тенденции в русском общественном самосознании. По его данным, русские люди в числе отрицательных качеств, которые можно отнести к «русскому характеру», назвали пристрастие к алкоголю и наркотикам, надежду на «авось», лень, безынициативность, вялость, а также всепрощение, покорность, отсутствие единства, разобщенность и эгоизм, жестокость, злобность, завистливость и агрессивность [ВЦИОМ: две трети россиян..., 2020]. Эти качества, настраивая солдат вермахта на войну с СССР, приписывал русскому народу министр пропаганды Третьего Рейха Й. Геббельс. Потеря национальной гордости – важнейший инструмент демонтажа народа, потому что он утрачивает связь с Родиной.

Когнитивно-ментальная война носит тотальный характер и охватывает все группы общества с учетом возрастных, гендерных, социальных, профессиональных особенностей и т. д. Такой подход учитывает их разную степень когнитивной устойчивости, типологию поведенческих механизмов, шире – стереотипизацию поведения, что в итоге через комплексный анализ многообразия и уникальности культуры страны и народа позволяет реализовать широкий фронт цивилизационной войны, – войны на уничтожение культурного кода. Большой вклад в разработку проблемы социальных кодов внес А.К. Байбурин. Он отмечал, что коллективные типовые программы поведения ограничивают рост его вариативности, защищая таким образом коллектив от распада [Байбурин, 1985, с. 37]. Когнитивное воздействие направлено на взлом этих социальных кодов. Например, слабо устойчивой в когнитивном отношении аффективной молодежи транслируется образ-картинка лучшей жизни за пределами Родины. Сегодня большое количество российской молодежи мечтает об эмиграции [Козлова, 2019], молодые россияне становятся космополитичны в своих воззрениях, а значит, теряется чувство переживания и ответственности за судьбу Отечества, теряется связь со своим культурным кодом, и некоторым становится «стыдно быть русскими». Те, с кем такое обстоятельство случилось, так называемая элита, эмигрировали, резко отмежевавшись не только от беды, с которой столкнулась Родина, но и от собственного народа. Это в очередной раз высвечивает классовый характер внутренней русофобии (смердяковщины) и, как следствие, то, что именно представители различных элит прежде всего подвержены переформатированию сознания в процессе когнитивно-ментального воздействия. Ведь культурный код – это субстанция народная. Отмежевание от собственного народа «богеми» приводит к полной утере связи с культурно-историческими корнями. И поэтому такая прослойка часто становится «пятой колонной», проводниками когнитивно-ментального воздействия. И эмигрантская «богема» 1920–1940-х гг. писала о собственном народе крайне пренебрежительно («восставший хам», «чернь», «страшный зверь»), и современная, как тонко определил политолог Кургинян, «элита» не стесняется в выражениях, говоря о «квасном патриотическом большинстве», «нищербродах, мешающих отдыхать» или, как высказался когда-то известный российский журналист, сбегавший с началом спецоперации в Израиль, А. Невзоров: «Так называемый народ, так называемое быдло, эта

глубинка, это загипнотизированное пропагандой безграмотное, нищее и несчастное население России» [Суханова, 2017; «Нищее быдло»: Невзоров..., 2022].

Однако с началом спецоперации стало понятно, что русский культурный код жив. И далеко не вся российская молодежь превратилась в манкуртов. Еще К. Юнг, Э. Фромм писали о коллективной бессознательной исторической памяти и архетипах, которые существуют в подсознании. Как отмечают исследователи: «Механизмом воспроизведения исторической памяти (в контексте нашего исследования – оживления через активизацию сознания – А.М.) служит придание личностного смысла событиям ушедшей эпохи» [Филатова, Филатов, 2017, с. 116].

Война с неонацистами пробудила историческую память, сопереживание к важнейшей странице нашей истории, к Великой Отечественной войне, когда вокруг старшего брата – русского народа – сплотился весь многонациональный советский народ. В освобожденных городах российские солдаты и ополченцы стали вывешивать красные знамена Великой Победы, появились национальные герои вроде ополченца Чапая в красноармейской папаше, и нашу армию в СМИ все чаще стали называть Красной Армией. Стала просыпаться историческая память, заработал русский цивилизационный код. И крайне важно, чтобы он не заснул вечным сном у остальной части общества. Для этого необходима разработка контрстратегии когнитивно-ментальной войны как части концепции государственной и национальной безопасности, где главной целью должно быть провозглашено сохранение русского народа и его культурного кода как основы существования многонациональной России.

Список источников

- В Госдуме показали быт бойцов СВО на передовой с портретом Сталина в землянке (4.03.2024): URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/04/v-gosdume-pokazali-byt-boytsov-svo-na-peredovoy-s-portretom-stalina-v-zemlyanke/> (дата обращения: 5.04.2025).
- ВЦИОМ: Две трети россиян уверены в существовании «русского характера». Москва – агентство городских новостей. 24.08.2020: URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3035041> (дата обращения: 30.03.2025).
- «Нищее быдло»: Невзоров оскорбил русский народ (07.06.2022). Новороссия: URL: <https://novorosinform.org/nishee-bydlo-nevzorov-oskorbil-russkij-narod-96675.html> (дата обращения: 5.04.2025 г.).
- Премьер Польши пожелал уничтожить «русский мир» (13.05.2022). LENTA.RU – Новости России и мира сегодня: URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/13/rusmir/> (дата обращения: 13 апреля 2025).

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. 2021. Цифровизация и когнитивные войны. Философия и общество. 4(101): 39–51: URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3086350/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Байбурин А.К. 1985. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура. В: Этнические стереотипы поведения. Под ред. А.К. Байбурина. Ленинград, Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 325: 36–46.
- Бартош А. 2020. Гибридная война против культурного кода. Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-12-24/8_1123_gpolit.html (дата обращения: 16.03.2025).
- Гуськова Е.Ю. 2013. Агрессия НАТО против Югославии и процесс мирного урегулирования. Москва, Индрик, 2013, 321 с.
- Де Моз Л. 2000. Психоистория. Пер с англ. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000, 512 с.
- Дугин А.Г. 2012. Геополитика постмодерна. Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2025).
- Ильиницкий А.М. 2021. Ментальная война России. Военная мысль. 8: 19–33.
- Козлова А. 2019. Почти половина российской молодежи хочет уехать из страны. Новости России и мира. Комсомольская правда в РФ – газета, радио и сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26937/3988464/> (дата обращения: 30.03.2025).



- Макаров Е.Б. 2023. Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства. Информационные войны. 2(66): 2–7.
- Медушевский А.Н. 2023. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. (Часть 1). Вопросы теоретической экономики. 2: 85–98.
- Менделеев Д.И. 2008. Познание России. Заветные мысли. Москва, Эксмо, 2008, 688 с.
- Месснер Е.Э. 1960. Мятёж – имя третьей всемирной. Буэнос-Айрес, 1960, 188 с.
- Почепцов Г.Г. 2019. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. Москва, ОМКО, 2019, 320 с.
- Рапай К. 2015. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему. Пер. с англ. Москва, Альпина Паблишер, 2015, 168 с.
- Суханова И. 2017. «Нищелюбов» не пускать: Собчак предложила ввести в Монако налог с туристов, чтобы бедные не мешали отдыхать богатым. Новости России и мира. Комсомольская правда в РФ – газета, радио и сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26684/3708142/> (дата обращения: 4.04.2025).
- Таньшина Н.П. 2024. Русофобия. История изобретения страха. Москва, Концептуал, 2024, 426 с.
- Тренин Д. 1999. Введение. В кн.: Косово: международные аспекты кризиса, Москва, Моск. Центр Карнеги, 1999: 15–31.
- Фарах С. 2022. Российская цивилизация: энергии пространства и человека: монография. Москва, ИД Академии Жуковского, 2022, 320 с.
- Филатова Н.В., Филатов Ф.Р. 2017. О возможности исторического психоанализа. Новое прошлое / The New Past. 4: 106–126.
- Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. Санкт-Петербург, ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004, 416 с.
- Фурсов А. 2015. Русофобия – психоисторическое оружие в войне против России. Царьград: URL: https://tsargrad.tv/articles/andrej-fursov-rusofobija-psihoistoricheskoe-oruzhie-v-borbe-protiv-rossii_2345 (дата обращения: 8.04.2025).
- Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Москва, ООО «Издательство АСТ», 2003, 603 с.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Ju. 2021. Cifrovizacija i kognitivnye vojny [Digitalization and Cognitive Warfare]. *Filosofija i obshhestvo*. 4(101): 39–51. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3086350/> (accessed 20 March 2025).
- Bajburin A.K. 1985. Etnicheskie aspekty izucheniya stereotipnyh form povedeniya i tradicionnaya kul'tura [Ethnic Stereotypes of Behavior]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 325: 36–46.
- Bartosh A. 2020. Gibridnaja vojna protiv kul'turnogo koda [A Hybrid War Against the Cultural Code]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. Available at: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-12-24/8_1123_gpolit.html (accessed 16 March 2025).
- Gus'kova E.Ju. 2013. Agressija NATO protiv Jugoslavii i process mirnogo uregulirovaniya [The NATO Aggression Against Yugoslavia and the Peace Process]. Moscow, Indrik, 2013, 321 p.
- De Moz L. 2000. Psihoistorija [Psychohistory]. Rostov-on-Don, Feniks, 2000, 512 p. (DeMause L. 1982. Foundations of Psychohistory. New York, Creative Roots, 244).
- Dugin A.G. 2012. Geopolitika postmoderna [Postmodern Geopolitics]. *Geopolitika.ru*. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-postmoderna> (accessed 21 March 2025).
- "Il'nickij A.M. 2021. Mental'naja vojna Rossii [Russia's Mental Warfare]. *Voennaja mysl'*. 8: 19–33.
- Kozlova A. 2019. Pochti polovina rossijskoj molodezhi hochet uehat' iz strany [Almost Half of Russian Youth Want to Leave the Country]. *Novosti Rossii i mira. Komsomol'skaja pravda v RF – gazeta, radio i sajt*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26937/3988464/> (accessed 30 March 2025).
- Makarov E.B. 2023. Mental'nye i kognitivnye vojny: voprosy opredelenija, celi i sredstva [Mental and Cognitive Wars: Issues of Definition, Goals and Means]. *Informacionnye vojny*. 2(66): 2–7.
- Medushevskij A.N. 2023. Kognitivnaja vojna: social'nyj kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Control, and a Tool for Global Domination]. (Part1). *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*. 2: 85–98.
- Mendeleev D.I. 2008. Poznanie Rossii. Zavetnye mysli [The Knowledge of Russia. Cherished Thoughts]. Moscow, Jeksmo, 2008, 688 p.

- Messner E.Je. 1960. Mjatezh – imja tret'ej vsemirnoj [Mutiny is the Name of the Third World War]. Buenos Aires, 1960, 188 p.
- Pochepcov G.G. 2019. Kognitivnye vojny v socmedia, massovoj kul'ture i massovyh kommunikacijah [Cognitive Wars in Social Media, Popular Culture, and Mass Communications]. Moscow, OMIKO, 2019, 320 p.
- Rapaj K. 2015. Kul'turnyj kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [The Cultural Code: How We Live, What We Buy, and Why]. Moscow, Al'pina Publisher, 2015, 168 p. (Rapaille G. Clotaire, 2006. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy As They Do. New York, Broadway Books, 203).
- Suhanova I. 2017. «Nishhebrodov» ne puskat': Sobchak predlozhila vvesti v Monako nalog s turistov, chtoby bednye ne meshali otdyhat' bogatym ["Beggars" Should not Be Allowed in: Sobchak Proposed to Introduce a Tax on Tourists in Monaco so That the Poor Would not Interfere with the Rest of the Rich]. Novosti Rossii i mira. Komsomol'skaja pravda v RF – gazeta, radio i sajt. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26684/3708142/> (accessed 4 April 2025).
- Tan'shina N.P. 2024. Rusofobija. Istorija izobretenija straha [Russophobia. The Story of the Invention of Fear]. Moscow, Konceptual, 2024, 426 p.
- Trenin D. 1999. Vvedenie. V kn.: Kosovo: mezhdunarodnye aspekty krizisa [Kosovo: International Aspects of the Crisis], Moscow, Mosk. Centr Karnegi, 1999: 15–31.
- Farah S. 2022. Rossijskaja civilizacija: jenergii prostranstva i cheloveka: monografija [Russian Civilization: The Energies of Space and Man: A Monograph]. Moscow, ID Akademii Zhukovskogo, 2022, 320 p.
- Filatova N.V., Filatov F.R. 2017. O vozmozhnosti istoricheskogo psihoanaliza [On the Possibility of Historical Psychoanalysis]. Novoe proshloe / The New Past. 4: 106–126.
- Fuko M. Arheologija znaniya [The Archaeology of Knowledge]. Saint-Petersburg, IC «Gumanitarnaja Akademiya»; Universitetskaja kniga, 2004, 416 p.
- Fursov A. 2015. Rusofobija – psihoistoricheskoe oruzhie v vojne protiv Rossii [Russophobia is a Psychohistorical Weapon in the War against Russia]. Car'grad. Available at: https://tsargrad.tv/articles/andrej-fursov-rusofobija-psihoistoricheskoe-oruzhie-v-borbe-protiv-rossii_2345 (accessed 8 April 2025).
- Hantington S. 2003. Stolknovenie civilizacij [Clash of Civilizations]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST», 2003, 603 p. (Huntington Samuel P. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, New York, 1996).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования 17.08.2025

Revised 17.08.2025

Принята к публикации 19.08.2025

Accepted 19.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеева Александра Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Института общинженерной подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0009-9041-0487](https://orcid.org/0009-0009-9041-0487)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra M. Matveeva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy at the Institute of General Engineering Training, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Moscow, Russia